
О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ГОРОДАХ БЕЛОРУССИИ В XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

З. Ю. КОПЫССКИЙ

Ремесло в белорусском феодальном городе до сего времени не было предметом специального исследования. В трудах В. Б. Антоновича, М. В. Довнар-Запольского, А. С. Грушевского, И. И. Лаппо, М. К. Любавского, В. И. Пичеты преобладают материалы об аграрных отношениях и политическом строе; город же вообще и, в частности, ремесло рассматривались лишь постольку, поскольку эта область истории Великого княжества Литовского была связана с указанными выше двумя проблемами.

Неразработанность вопроса привела к мнению о сугубо аграрном характере белорусских городов¹. Таким образом, разработка настоящей темы правомерна и к тому же вполне осуществима, ибо в распоряжении исследователя имеется ряд источников.

Наиболее богатым по разнообразию материала собранием источников является так называемая Литовская Метрика². Содержащиеся в ней документы, исходившие из судебных и административных инстанций Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, позволяют определить виды ремесленных профессий в городах Белоруссии, экономическое и правовое положение ремесленников, состояние ремесленного производства. Много интересных сведений содержат магистратские книги городов Белоруссии — Бреста, Гродно, Могилева³. Они в значительной мере дополняют данные Литовской Метрики.

Большую ценность представляют цеховые уставы. Тексты их встречаются как в Литовской Метрике, так и в магистратских книгах. Уставы дают возможность определить численность ремесленников в городах, охарактеризовать экономическое и правовое положение мастеров, подмастерьев, учеников. В них содержатся материалы о связи ремесла с местным рынком, технические данные о ремесленном производстве. Уставы на протяжении XVI — первой половины XVII в. менялись. Сопоставление последующих текстов с предыдущими позволяет рассматривать ремесленное производство в динамике.

¹ См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., Львов, 1957, стр. 6.

² Большое количество документов Метрики было опубликовано в таких много-томных сборниках, как Акты, относящиеся к истории Западной России (5 томов, СПб., 1846—1853, далее — АЗР), Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (15 томов, СПб., 1863—1892), Акты Литовской Метрики (Варшава, 1896), Русская историческая библиотека (т. 7, 20, 27, 30, 33, СПб., 1903—1915), Беларускі архіў (3 тома, Минск, 1927—1931) и др.

³ По другим городам Белоруссии книги XVI — первой половины XVII в., к сожалению, не сохранились.

Данные указанных источников и положены в основу настоящей статьи. Исследованию подвергается состояние ремесленного производства только в крупных городах⁴, причем главное внимание уделяется Минску. Такой выбор сделан по ряду соображений.

Уже в XV в. Минск был одним из самых крупных городов Белоруссии. Вслед за Брестом и Полоцком Минск получил так называемое «Магдебургское право» (в 1499 г.), войдя в число главных («столичных») городов Великого княжества Литовского. В первой половине XVII в. Минск считался одним из его наиболее многолюдных городов⁵. Данные XV—XVI вв. об аренде Минского мыта (таможни), о сумме денежных пожалований за счет Минского мыта, размер взимавшихся с города ордынщины и серебщины свидетельствуют, что Минск как один из экономических центров на территории Белоруссии уступал только Витебску, Полоцку, Бресту и Могилеву⁶. Общий уровень экономической жизни этих городов, а также Гродно, Слуцка и Пинска в рассматриваемый период был примерно одинаковым. Но особенно важно следующее обстоятельство: если в экономической жизни указанных городов весьма серьезную роль играли внешние торговые связи, прежде всего с городами России, Польши и Прибалтики, то для Минска первостепенное значение имели его торговые связи с городами Белоруссии — Витебском, Могилевом, Полоцком, Слуцком, Пинском, а также с Вильно, Смоленском. Следовательно, развитие ремесла в Минске в большей степени определялось состоянием внутреннего рынка. Как центр ремесленного производства Минск занимал в XVI—XVII вв. одно из ведущих мест в Белоруссии. По разнообразию ремесленных профессий он не намного уступал Полоцку, Могилеву и Витебску. В последующие столетия не только сохранилась, но и возросла роль Минска как важнейшего центра ремесла и торговли Белоруссии.

* * *

Начало процесса концентрации ремесла в городах Белоруссии относится еще ко времени существования древнерусского государства. В период феодальной раздробленности этот процесс проходил весьма интенсивно. При раскопках Замчища в Минске в слоях второй половины XII и XIII вв. были обнаружены предметы, свидетельствующие о наличии в городе кузнечного, плотничьего, сапожного, портняжного и гончарного ремесел⁷. О том же свидетельствуют данные раскопок в Гродно и Волковыске.

Судя по отрывочным данным сохранившихся письменных источников конца XV в., городские ремесленники занимались строительным делом, изготовлением орудий труда, оружия, ювелирных изделий, обуви, одежды, выделкой мехов, приготовлением вина, пива. В тексте судебного решения великого князя от 17 августа 1499 г. названы такие ремесла в Минске: золотых дел, кузнечное, скорняжное, портновское, сапожное. Городские ремесленники изготовляли нароги (сошники), серпы, топоры, предметы домашнего обихода. Из меди, латуни, олова, являвшихся постоянными предметами привозной торговли, изготовлялись различ-

⁴ В небольших городах и местечках развитие ремесленного производства имело ряд особенностей и требует специального изучения. К тому же данные по этому вопросу крайне скупы.

⁵ См. «История Минска», Минск, 1957, стр. 22; также «Zycie Sapiehow u listy od monarchow, ksiąząt u rozných panujących do tychże pisane», t. I, Wilno, 1790, s. 126.

⁶ ЦГАДА, ф. 389, Литовская Метрика. Книги записей: 4, лл. 1—13об., 41 об.—408об., 51об., 66об., 79об., 84об., 87. 88об., 95, 97, 100; 5, лл. 242, 242об.; 6, лл. 166, 175, 265; 7, лл. 631об., 632; 8, лл. 111об., 117—117об.

⁷ «История Минска», стр. 12, 13, 14.

ные изделия⁸. В городе были также медовары, пивовары, солодовники, сбывавшие свою продукцию на рынке и в многочисленных корчмах.

Городские ремесленники работали не только для местных заказчиков, но и выезжали в другие города. Так, каменщики Гродно выполняли в 1494 г. работы для великокняжеского двора в Вильно⁹. Ремесленники Могилева вели торговлю различными товарами, в том числе и своими изделиями, в Кричеве, Мстиславле, Орше, Речице¹⁰. Ближайшие к городу села, поместья и местечки служили рынком и для ремесленников Гродно, Бреста, Минска.

Значительно чаще и подробнее, чем в XV в. и ранее, городского ремесла касаются документы второй половины XVI в., исходящие из великокняжеской канцелярии, в особенности финансовые и административные предписания, грамоты с привилегиями городам. Можно предположить, что именно в этот период процесс концентрации ремесла в городах достиг значительных для того времени размеров, что было вызвано прежде всего углублением общественного разделения труда и все растущим отделением ремесла от земледелия. Уже в начале XVI в. ремесло и торговля являлись самостоятельными отраслями хозяйственной деятельности. Так, привилей 1511 г. «всем обывателям воеводства и города Полоцка на данные им права и вольности» предупреждает духовных феодалов, владевших имениями, что в своих фольварках, расположенных возле Полоцка, «на тых полях и на сеножатах не маюць торговых людей, а ни ремеслных за собою садити, ни жили маюць садити людей сельских, которые бы там хлеб робили»¹¹.

Ремесло получило столь серьезное хозяйственное значение, что стало постоянным объектом налогообложения. Например, в 1577 г. по постановлению шляхты в Волковыске налог взимался: с сельских ремесленников — «по грошу одному литовскому»; с ремесленников в городах, являвшихся центрами воеводства и имевших Магдебургское право, — «по грошей пяти», а с подмастерьев — «по грошу одному»; с ремесленников мелких городов и местечек, не имевших Магдебургского права, — «по грошей два», а с их подмастерьев — «по пенезей пяти». Причем налог платили лишь те, кто, кроме ремесла, ничем иным не занимался¹². По размеру ставок налога видно, что городское ремесло значительно превосходило сельское.

Ко второй половине XVI в. крупные города Белоруссии стали центрами разнообразного ремесленного производства. В Минске, например, ремесло в то время было представлено сравнительно большим числом профессий. Так, Минскому замку были подчинены стрельцы, пушкари (занимались изготовлением пороха) и иные ремесленники. В другом документе упоминаются золотых дел мастера, кузнецы, котляры (котельщики), медники, слесари, ружейники («пушкари»), часовых дел мастера, мечники, ножевщики, побрайцары (изготавливавшие шпоры и стремена). Судя по предписанию от 4 января 1558 г. о взимании налога взамен подводной повинности, среди горожан Минска были также портные, скорняки, сапожники, столяры, бондари, колесники, шорники («рымары»), сыромятники, дубильщики, седельники («седляры»), гончары, токари, стекольщики, пекари, мясники («резники»). Архивные материалы первой половины XVII в. расширяют приведенный перечень профессий: в них говорится о шапочниках, чехольщиках, портупейщиках, меховниках (изготавливавших из замши перчатки, кошельки, пояса), позументщиках («шмуклерах»), каменщиках, плотниках, оловянниках

⁸ Беларускі архіў, т. III, 1931, док. 5.

⁹ Акты Литовской Метрики, т. I, вып. I, Варшава, 1896, док. 114, 144.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 389. Литовская метрика. Книга записей, 88, л. 167об.

¹¹ АЗР, т. II, СПб., 1848, док. 70.

¹² АВАК, т. III, Вильно, 1870, док. 155.

(«конвисарах»), шихтерах (изготавливавших нити из золота, серебра и меди для расшивки седел и верхней одежды), сабельниках («платнерах»), кожевниках¹³. Наконец, в городе издавна было развито медоварение, винокурение, приготовление ссолада. Таким образом, в течение XVI — первой половины XVII в. в Минске было значительное число ремесленных профессий; к середине XVII в. их насчитывалось свыше 40. Могилев знает в это время около 60 профессий, Брест — более 30¹⁴.

Данных о количестве ремесленников в городах не сохранилось. Анализируя отдельные положения уставов цеховых организаций, характеристики которых мы попытаемся дать ниже, можно лишь весьма приблизительно ответить на этот вопрос. В уставе цеха минских металлистов, объединявшего в 1592 г. десять профессий, указывалось, что вступающий в цех должен выполнить пробную работу в присутствии двух мастеров, в помощь ему даются два подмастерья¹⁵. Естественно, что и мастера, контролирующие испытуемого, и выделенные ему подмастерья могли быть лишь ремесленниками одной с ним профессии. По-видимому, по каждой из десяти профессий было не менее двух мастеров и двух подмастерьев. Из устава цеха далее следует, что мастер из числа кузнецов, котляров, слесарей, мог иметь на весь период обучения одного, но не более трех учеников, мечнику разрешалось иметь одного ученика. Очевидно, каждый мастер имел ученика. Итак, если даже придерживаться этих минимальных данных, то получается, что цех металлистов объединял 80 человек, из них 20 мастеров, 40 подмастерьев, не менее 20 учеников.

Число мастеров в каждой профессии в Минске было, однако, значительно больше приведенной нами цифры. Так, в 1592 г. просьбу о подтверждении устава цеха портных внесли «сами и от имени всех мастеров цеха портновского» 5 мастеров; в 1609 г. 4 мастера-сапожника от себя и от имени «своих коллег» просили утвердить устав цеха сапожников; в 1634 г. 6 мастеров-сапожников просили подтвердить устав, выданный их цеху еще в 1609 г.; 6 мастеров-седельников «сами от себя и именем всех седельников города Минска» просили в 1634 г. утвердить цеховой устав; 4 «старших мастера-цирюльника» «своим и всей братии того ремесла именем» добивались в 1635 г. утверждения устава цеха; от имени «всей братии» гончарного, мулярского (каменщики) и плотничьего ремесел подали в 1639 г. просьбу об утверждении устава цеха 6 мастеров; с такой же просьбой обратились 5 сентября 1647 г. 11 мастеров скорняжного, шапочного, магерочного (магерка — вид головного убора, — З. К.) и кожевничьего ремесел¹⁶. Поскольку просители ходатайствовали не только от своего имени, но и от имени «всей братии», «своих коллег», есть основание считать, что по каждой профессии было не менее 3—4 мастеров. Определить точно число подмастерьев и учеников не представляется возможным; оно было, по-видимому, различным в различных профессиях, однако, судя по данным цеховых уставов, не превышало следующих цифр: у мастеров могло быть не более двух подмастерьев и трех учеников, большинство же мастеров имело одного подмастерья и одного-двух учеников. Для самого минимального подсчета допустима следующая средняя цифра: каждую профессию в городе

¹³ Беларускі архіў, т. III, док. 22, 36, 47, 51, 94, 98, 153.

¹⁴ Число профессий в Могилеве подсчитано мной по данным инвентаря Могилева за 1604 г., хранящегося в библиотеке Вильнюсского университета и обнаруженного научным сотрудником Института истории АН БССР В. И. Мелешко. Число профессий в Бресте определено по данным книги Брестского магистрата за 1637—1641 гг. (см. ФЦГИА БССР, ф. 1342, оп. 1, д. 2). В течение XVI — первой половины XVII в. в крупных городах Белоруссии не только увеличилось число ремесленных профессий, но происходит дробление профессий (См. «История Минска», стр. 24.).

¹⁵ Беларускі архіў, т. III, док. 36.

¹⁶ Там же, док. 43, 44, 60, 93, 94, 96, 98; ЦГАДА, ф. 389, Книга Записей, 121, = 202.

представляло 3 мастера, имевших по одному подмастерью и одному ученику. При таком соотношении числа мастеров, подмастерьев и учеников каждой профессии количество ремесленников в Минске в конце XVI в., насчитывавшем, судя по приведенным данным, 35 профессий, должно было составлять около 350 человек, а в середине XVII в., когда источники называют 41 профессию, примерно 370—400 ремесленников.

Документы конца XVI — первой половины XVII в. по Могилеву дают нам и более точные данные о числе мастеров — членов цеха некоторых профессий. В 1580 г. в городе числилось 23 калачника, в 1609 г. — 22 сапожника, в 1634 г. в цехе металлистов состояло мастеров: мечников 12, слесарей 11, кузнецов 12, котельщиков 8¹⁷. Цеху скорняков и шапочников в Полоцке король, утверждая устав, предписал в 1619 г. приобрести «всякое оружие на 24 человека устав братии по примеру других столичных городов наших». То же самое предписал полоцкий магистрат цеху сапожников в 1640 г.¹⁸ Все эти данные вполне оправдывают предположение, что для подавляющего большинства профессий средняя численность ремесленников всех групп в цехах (мастеров, подмастерьев и учеников) составляла 60—70 человек, а некоторые могилевские цехи насчитывали до 130—150 человек.

Не менее сложно определение процентного состава городского населения, занятого ремеслом, так как никаких сведений о численности горожан в рассматриваемый период не сохранилось¹⁹. И здесь подсчет может быть лишь весьма приблизительным. Так, в 1574 г. во время пожара в Минске сгорело 600 дворов, 10 православных церквей и 2 костела²⁰. Видимо, пожар не уничтожил весь город, ибо два года спустя магнат Тышкевич добивался минского войтовства, являвшегося весьма доходной должностью²¹. Пожар, по всей вероятности, уничтожил не более двух третей всего числа дворов и, следовательно, в городе, считая в среднем по 5 человек в каждой семье, проживало примерно около 5 тыс. жителей. Можно предположить, что среди них ремесленников вместе с членами их семей было не менее 1000—1200 человек. Выходит, что в конце XVI и в первой половине XVII в. 20—30% населения Минска было занято в ремесленном производстве. В Полоцке, Витебске, Могилеве ремесло было еще более развито и ремесленное население составляло еще больший процент горожан. Все это свидетельствует о том, что в течение XVI — первой половины XVII в. крупные города Белоруссии являлись центрами развитого ремесленного производства.

Число городских ремесленников росло за счет беглых крепостных, а также переселявшихся вольных («похожих»). Барколабовская летопись сообщает, что население Могилева росло за счет крепостных близлежащих сел²². Факты бегства крепостных фиксируются инвентарями. В одном из них за 1590 г. говорится, что «отчизный Микула Лобоцевич с женой, сыном и дочкой бежал в Минск». 15 августа 1602 г. брестский каштелян, крупный феодал Григорий Война в жалобе королю уведомлял, что из его имений в г. Пинск бежало пять крепостных, в том числе два сапожника и портной²³. В указах короля Владислава IV магистратам городов Дорогобужа и Красное от 13 апреля 1643 г. и г. Смоленску от 15 апреля 1643 г. говорится, что из владений магната Богуслава Рад-

¹⁷ ИЮМ, вып. 7, стр. 322; вып. 8, стр. 396, 509—510.

¹⁸ Там же, вып. 5, стр. 331; Археографический сборник, т. I, Вильно, 1867, стр. 311.

¹⁹ Кроме отдельных данных о количестве домов, застроенных плацев по Могилеву, Полоцку, Бресту, Витебску.

²⁰ См. «Наш край», 1928, № 2/29, Минск, стр. 9.

²¹ Беларускі архіў, т. III, док. 25.

²² АВАК, т. XVII, Вильно, 1890, док. 24; ИЮМ, вып. 2, стр. 243; вып. 7, стр. 337; Могилевская старина, вып. I, Могилев, 1900, стр. 3.

²³ АВАК, т. XIV, Вильно, 1887, док. 41; Гродненский историко-археологический музей. Отдел рукописей, ф. 9216, лл. 1—2.

звилла «немало подданных его дедичных (т. е. крепостных,— З. К.) в разное время бежало из волостей Копысской и Романовской» в эти города и «там сейчас живут»²⁴. О беглых крепостных свидетельствуют и судебные дела магистрата Бреста. В 1547 г. на сейме был установлен десятилетний срок розыска бежавших в г. Вильно крестьян²⁵.

Руководствуясь прежде всего фискальными соображениями, великокняжеская власть поощряла приток населения в города. Так, 24 марта 1525 г. Полоцк, 28 января 1566 г. Дисна получили привилеи, по которым вновь прибывшие сюда на жительство освобождались на ряд лет (в Полоцке — на 10, в Дисне — на 8) от всех налогов и повинностей. В связи с запустением Новогрудка, вызванным тем, что часть его населения превратилась в зависимых от замка людей, король издал 23 сентября 1563 г. указ, гарантирующий вновь прибывшим в город, в особенности, если это будут «люди вольные», сохранение по отношению к ним городской юрисдикции²⁶. Иногда местечки создавались магнатами с целью «ремесленников разных осадить», как это видно из грамоты Сигизмунда III от 28 февраля 1609 г. об основании г. Соколки или из сообщения Барколабовской летописи об основании местечек Вороници, Лепеля, Гашник²⁷.

Среди бежавших в города преобладали, видимо, те, кто владел каким-нибудь ремеслом. Но неуклонный рост и расширение крепостнических отношений, засилье феодалов в городах приводили к тому, что свободные люди все же не составляли там большинства населения, и, следовательно, рост ремесла был связан не только с богатством свободных ремесленников.

Более определенно выступает другой источник роста числа ремесленников в городах, сложившийся в ходе расширения феодальной собственности на землю и закрепощения свободной части крестьянства. Феодал, в особенности средне- и мелкопоместный, не прочь был использовать в своих интересах выгоды тсварного производства, что делало его в какой-то мере даже заинтересованным в местном рынке. Свое стремление он реализовал не только путем продажи части сельскохозяйственных продуктов, производимых в его поместье крепостными крестьянами, но также посредством использования труда крепостных ремесленников. Приобретая земельные участки в городе, феодал переселял туда крепостных, которые занимались ремеслом, различными промыслами и торговлей, но не несли городских повинностей, не платили городских налогов. Живя в городе, такой ремесленник подчинялся своему господину-феодалу и оказывался в более выгодном положении, чем ремесленник, подчиненный магистрату. Этот путь роста городского населения и расширения ремесленно-торговой деятельности характерен для всех без исключения городов Белоруссии. В одном из документов сообщается, что в Минске «князи, панове и земяне... духовного и светского стану, з давних часов набывши пляцов, подданных своих там осадили, которые в месте торгов, ремесла, гандлев и вщеляких пожитков местских поспол с подданными нашими мещаны Меньскими уживають»²⁸.

Растущая связь с местным рынком выводит ремесленное производство города за пределы натурально-замкнутого хозяйства феодального по-

²⁴ ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Собрание рукописей П. П. Дубровского, автограф 64, док. 92, 93, 95.

²⁵ ФЦГИА, БССР, ф. 1342, оп. 1, д. 10, стр. 562—563; *Działyński. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529*, Poznań, 1841, s. 429—430.

²⁶ ЦГАДА, ф. 389, Книги записей: 14, лл. 267об., 268; 44, лл. 91—91об., 96об., 97; ФЦГИА БССР, ф. 1 (Канцелярия гродненского губернатора), оп. 19, д. 1142, лл. 70—71.

²⁷ Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (1387—1710), Вильно, 1858, ч. I, док. XXXVIII; Могилевская старина, вып. 1, стр. 3.

²⁸ Беларускі архіу, т. III, док. 29.

местья. Развитие внутреннего рынка в течение XV—XVI вв. усиливает указанную тенденцию. Но вместе с тем его раздробленность на локальные рынки, их местная ограниченность создавали стремление оградить городское ремесло от конкуренции сельских ремесленников. Это вызвало развитие цеховой организации ремесленного производства, которая должна была в обстановке феодального произвола в стране, усиления крепостнической зависимости, узости внутреннего рынка, сохранить ремесло, обеспечить ему рынок сбыта товаров, оградить его от конкуренции. Наиболее ранние упоминания о цехах в Белоруссии (в Гродно и Бресте) относятся к XV в. Первое упоминание об организации цехов в Минске датируется серединой XVI в. В тексте указа от 16 декабря 1569 г. о подтверждении привилегия на Магдебургское право городу сделана такая приписка: «Теж войт и бурмистры места нашего тамошного, на каждое ремесло старост обравши установити мають, абы каждый в месте тамошнем мешкающий от сего часу всякое ремесло в цех уписавшия робил, а хто бы смел ремесло робити и его вживати не вписавшия в цех, таково ремесло от войта и бурмистров на ратуш забирано быти маеть»²⁹. Документ подчеркивает принудительный характер членства: не состоящий в цехе не имеет права заниматься в городе ремеслом. Но реализовать привилегию в Минске оказалось не так легко. Феодалы оказали упорное сопротивление: они усматривали в цехах с их монополией «заговор на свой карман»³⁰. Кроме того, переход крепостных ремесленников в цех мог ослабить власть феодалов, ибо цех как внутригородская организация неизбежно оказывался непосредственно связанным с юрисдикцией магистрата. Не случайно шляхта упорно добивалась полного уничтожения цехов. В 1420, 1496, 1538, 1550 гг. по ее настоянию были изданы декреты, предусматривавшие роспуск цехов³¹. Правда, указанные законы не были проведены в жизнь.

Сохранившиеся до наших дней наиболее ранние тексты уставов цеховых организаций городов Белоруссии относятся ко второй половине XVI в. и первой половине XVII в. Некоторые из них, видимо, являются подтверждением или расширением уставов конца XV в. Большую часть имеющихся текстов составляют уставы цехов Могилева (около 20), меньшую (от 4 до 7) — уставы цехов Минска, Бреста, Гродно, Полоцка, Витебска. Важнейшие нормы уставов брестских и гродненских цехов позволяют восстановить тексты королевских привилегий этим городам, а также данные магистратских книг.

Уставы однотипных цехов различных городов во многом были сходны, но имели и ряд отличий. Особенно резко отличались уставы XVI в. могилевских цехов от минских и брестских. Если последние уже знали довольно развитую систему регламентации, то многие из первых преследовали главным образом две цели: регламентацию сбыта продукции и покупки сырья. Некоторые могилевские уставы даже не употребляют еще и самого термина — «цех». Например, калачники, хлебопеки, круподеры Могилева свою организацию, созданную в 1580 г., называют «староство»; так же именуют свою организацию, созданную в 1581 г., и скорняки³². В течение первой половины XVII в. существенные различия в цеховых уставах исчезают. Такое сближение содержания, даже известная его стандартизация, свидетельствует о нивелировке в этот период экономических и социально-политических условий ремесленного производства в Речи Посполитой.

Наиболее ярким из всех ранних, да и многих более поздних текстов цеховых уставов Белоруссии, является устав цеха минских ремесленников-металлистов, объединявший: золотых дел мастеров, кузнецов, ко-

²⁹ Беларускі архіў, т. III, док. 23.

³⁰ Dr. K. Wałowski. Dawne cechy krakowskie, Krakow, 1903, s. 112.

³¹ Volumina Legum, t. I. Petersburg, 1859, s. 36, 124, 263; t. II, s. 8.

³² ИЮМ, вып. 7, стр. 322, 325.

тельщиков, медников, слесарей, часовщиков, мечников, ножевщиков, побрайцаров, оружейников. Устав этого цеха, датированный 2 декабря 1591 г., рельефно отражает типичные черты феодальной организации ремесла³³. Состоит устав из 39 статей («артикулов»), которые по своему содержанию распадаются на следующие группы: 1) регламентация производства, 2) определение отношений внутри цеха, 3) порядок приема в цех и перехода из числа учеников и подмастерьев в мастера, а также наем учеников, 4) отношение цеха к ремесленникам, не входившим в его состав, 5) связь цеха с магистратом³⁴.

Всеим своим острием устав был направлен против конкуренции в среде мастеров, на сохранение равных условий производства и сбыта. При этом устанавливалась следующая регламентация: никто из мастеров не должен иметь «два варштата или крамы», каждый мастер, «чтобы не повредить брату своему, кроме одного варштата и крамы себе не желал под угрозой братской кары, которую найдут должной». Из регламентационных правил в уставе большой интерес представляет статья 18, в которой говорится, что никто из кузнецов не имеет права изготовлять заступы, лопаты, мотыги, цепи и другие вещи из «купеческого железа», а только «до дома и крамы своей». Подобного рода запрет содержится и в уставах цехов Могилева, Гродно³⁵. Он мог появиться вследствие заметной роли в торговле скупщика-посредника³⁶.

Система регламентации могла быть действенной при монопольном положении цеха в городском ремесле. Не случайно борьба за монополию составляла отличительную черту цеха. Она утверждалась прежде всего тем, что внецеховая деятельность ремесленника ставилась вне закона. Этот принцип тщательно сформулирован в ряде статей рассматриваемого цехового устава³⁷. Королевская власть поддерживала борьбу цехов с внецеховыми ремесленниками. Сохранилось большое число предписаний, грамот по данному вопросу. В одном из них — предписании Владислава IV от 20 января 1640 г. — категорически запрещается всем, кто не состоит в цехах Гродно, заниматься ремеслом не только в городе, но и в селах, городских фольварках³⁸. Другим важным запретом, ревниво проводившимся всеми цехами без исключения, был запрет продажи приезжими купцами и ремесленниками тех изделий, которые изготовлялись в городе местными цехами. Такие изделия, как и изделия внецеховых ремесленников, подлежали конфискации в пользу магистрата.

Поступление в цех было затруднено, особенно сложно было стать мастером. Мастер, вступающий в цех, обязан был представить свидетельство об «учтивом рождении» (т. е. законорождении). Не имевшие такого свидетельства в цех не принимались, им вообще запрещалось заниматься ремеслом в городе. Приезжий мастер, желавший вступить в цех, обязан был проработать в течение года в качестве подмастерья, а затем выдер-

³³ Подробный разбор содержания этого устава см. «История Минска», стр. 27—31.

³⁴ Беларускі архіу, т. III, док. 36. Первая попытка обстоятельного изучения цеховой организации в Белоруссии принадлежит В. В. Клименко. В 1914 г. им была опубликована работа «Западно-русские цехи» («Университетские известия», Киев, 1914, №№ 2 и 4). Ряд наблюдений автора представляет научный интерес и в настоящее время. Однако он ограничился констатацией правовых норм в цеховых уставах XVI—XVIII вв. отдельных цеховых организаций Вильно, Могилева и Бреста, не понял причин возникновения цехов и их распространения в XVI—XVII вв. в городах Белоруссии и не сумел раскрыть причины изменений, которые претерпели цехи в это время. Он часто механически переносит черты организации цехов в XVIII в. на предыдущий период, нормы цеховых уставов г. Вильно распространяет на все цехи городов.

³⁵ ИЮМ, вып. 32, стр. 268; ФЦГИА БССР, ф. 875 (Гродненский магистрат), оп. 2, д. 5, л. 34.

³⁶ Роль скупщика в ремесленном производстве в литературе по истории Белоруссии рассматриваемого периода совершенно не изучена. Цеховые уставы заставляют поставить этот вопрос как важную исследовательскую задачу при решении проблемы генезиса капитализма в Белоруссии.

³⁷ Беларускі архіу, т. III, док. 36.

³⁸ ФЦГИА БССР, ф. 875, оп. 2, д. 5, лл. 41—42.

жать испытание — изготовить «штуку». Подмастерье, изучивший ремесло в других городах, также должен был предъявить «лист о рождении», получить право проживать в городе и проработать у местного мастера в качестве подмастерья в течение года. При соблюдении всех условий вновь прибывший принимался в цех после изготовления «штуки»³⁹. Это правило стало повсеместным в городах Белоруссии. Оно затрудняло пополнение цеха из внецеховой ремесленной среды, способствовало превращению цеха в корпоративно-замкнутую организацию.

Ремесленники, входившие в цеховую организацию, делились на три группы: мастера (в уставе — «брат», «братчик»), подмастерья (в уставе — «товарищ», «челядь»), ученики (в уставе — «пахолек», «хлопец»). Полноправным членом цеха являлся мастер. Мастера каждой профессии избирали из своей среды ежегодно старшего («цехмистра»), — «достойного уважения по годам, достоинству, умелости». Цехмистры обязаны были следить за выполнением устава цеха, хранили цеховую «скрыню» — ящик, в котором находились цеховые привилегии, устав, печать и денежные суммы, состоящие из вносимых мастерами взносов и штрафов. По истечении срока избрания цехмистр отчитывался на собрании мастеров.

Регламентация и контроль цеха распространялись не только на производственную деятельность, но и на личную жизнь ремесленника.

Много места в уставе занимает весьма характерная для цеховой организации вообще регламентация найма учеников, перехода в разряд мастеров из подмастерьев. Наем ученика не являлся личным делом мастера. Устав определял правила приема, число учеников, которых имел право держать мастер каждой профессии, срок ученичества и порядок зачисления его в подмастерье⁴⁰. Из других уставов, действовавших в городах Белоруссии, видно, что после окончания срока обучения ученик, получив рекомендацию мастера, утверждался в цеховом собрании в качестве подмастерья и записывался в их список («реестр»). Новый подмастерье должен был, однако, отработать еще четверть года у обучающего его мастера. По истечении указанного испытательного срока он назначался к мастеру. Обязательный же срок работы у мастера в различных цехах составлял от двух до четырех лет⁴¹. Пришедший из другого города ученик, поступая к мастеру в качестве подмастерья, должен был доказать, что он закончил обучение у цехового мастера; если же мастер не был членом цеха, ученик обязан был «знов учить»⁴².

Весьма сложен был переход из подмастерьев в мастера. Обязательными условиями для такого перехода были: работа в течение определенного для каждой ремесленной профессии срока у мастера, затем совершенствование производственных навыков в работе в других городах в течение полутора-трех лет. Такое странствование в уставах называется «вандровка» (от слова «вандравать» — странствовать). Пунктами «вандровки» были наиболее крупные ремесленные центры Польши, Литвы и Белоруссии. По возвращении из «вандровки» подмастерье отработывал еще год и шесть недель. Прохождение этого срока в цеховом уставе называется «учинить млодшенство». Чтобы перейти в мастера нужно было обратиться к цеховой старшине — цехмистрам. Цеховое собрание выносило решение о предоставлении права изготовить пробную работу в соответствии с требованиями устава или специальным решением собрания цеха. В цеховом уставе экзамен обозначен термином «робить штуку»⁴³. От экзамена освобождался (полностью, либо частично) сын ма-

³⁹ Беларускі архіў, т. III, стр. 49—50, 52, 57.

⁴⁰ Там же, стр. 52, 53, 54, 56.

⁴¹ И. Я. Спрогис. Цеховые уставы и относящиеся к ним королевские привилегии. АВАК, т. X, Вильно, 1879, стр. XVI.

⁴² Беларускі архіў, т. III, стр. 55.

⁴³ Там же, стр. 50, 51.

стера, женившийся на вдове или дочери мастера. Как велико было влияние родственных отношений внутри цеха, видно из того, что, например, правами мастера после его смерти пользовалась его жена, которой разрешалось «для поддержания себя и семьи» в течение полутора лет «держат челядь в варштате своем». Если же оставалось потомство и в особенности сын, тогда вдове разрешалось держать подмастерье, «пока не выйдет замуж или пока сын не станет взрослым». О корпоративной замкнутости свидетельствует и стремление цеха обеспечить свою юрисдикцию над всеми входившими в него ремесленниками. Статья 39 устава обязывала каждого строго соблюдать цеховой устав, а статья 26 предупреждала, что тот, кто не пожелает подчиниться приговору цеха и проявит намерение обжаловать его перед войтом или бурмистрами, должен быть «щедро покаран». Вместе с тем устав требовал от всех, входивших в цех, полного послушания королю и городским властям⁴⁴. Тем самым цех ограждал своих членов от поползновений духовных и светских феодалов.

В течение первой половины XVII в. цеховая система получает в городах Белоруссии очень широкое распространение. Старые цехи расширяются за счет включения ранее не входивших в них профессий, возникает значительное количество новых цехов. Оба явления особенно отчетливо выступают на материалах Могилева и Минска. Если к концу XVI в. сохранившиеся источники упоминают в Минске два цеха, а в Могилеве — пять, то к середине XVII в. число их возрастает в Минске до 11, а в Могилеве — до 17. Рост числа цехов отмечают и документы по другим крупным городам Белоруссии. Причем в одних из них (в Минске, Бресте, Гродно) преобладают цехи, объединяющие ремесленников различных профессий, в других же (в Могилеве) — многие цехи являются специализированными, т. е. объединяющими ремесленников одной или нескольких родственных профессий.

Уставы цехов рассматриваемого периода более однообразны по своему содержанию. Им присуще обостренное внимание к обеспечению ремесла рынком сбыта. В них регламентируется количество заказов, которые может одновременно взять мастер; в самых категорических выражениях сформулированы запреты деятельности внецеховых ремесленников, продажи приезжими купцами и ремесленниками изделий, изготовляемых местными цехами. Цехи открывают на рынке лавки для продажи своей продукции. Интересно отношение цехов к деятельности скупщика. Членам цеха разрешается изготовление изделий из предоставленного заказчиком-купцом сырья, но при условии, что они не будут продаваться в данном городе. Если с подобным видом деятельности скупщика цех готов примириться, с указанной выше оговоркой, то с деятельностью скупщика-ремесленника цеховой устав непримирим; он категорически запрещает скупку одним ремесленником у другого товара с целью перепродажи. Факт этот показывает не только естественное для цеха отрицательное отношение к скупщику-посреднику, но и подтверждает то, что последний стал заметной фигурой на городском рынке.

Уставы цехов свидетельствуют также, что развитие в городском ремесле черт товарного производства является главной причиной столь резкого ограждения сбыта от внецеховых конкурентов и скупщиков. Но в них есть и другая черта, прямо связанная с трудностями сбыта, с узостью местного рынка. За очень редкими исключениями уставы цехов первой половины XVII в. вводят ряд ограничений при приеме в цех мастеров и резко усложняют переход от ученика в подмастерье, от подмастерья в мастера. К усложнениям приема в цех относится более высокий размер вступительного взноса, отказ определенным категориям населения в праве поступления в цех, например, по социальному, национальному и

⁴⁴ Беларускі архіў, т. III, стр. 52, 57.

религиозному признакам. Затруднения в продвижении по лестнице внутрицеховой иерархии состояли в значительном увеличении срока пребывания в качестве ученика, в введении производственного экзамена для ученика при переходе в подмастерье, создании между учеником и подмастерьем дополнительной ступени — полуподмастерья («робеника») ⁴⁵. Все эти усложнения, непосредственно вызванные состоянием внутреннего рынка, несомненно, подтверждают стремление цехов превратить ремесленную деятельность в монопольное право ограниченного круга лиц.

* * *

Приведенные данные позволяют сделать некоторые существенные выводы.

В XVI — первой половине XVII в. городское ремесло в крупных городах Белоруссии было представлено значительным числом профессий. Ремесленники в основном работали на рынок, но много места занимало еще производство изделий на заказ. В течение первой половины XVII в. быстро увеличивается число цехов. К середине XVII в. цехи охватывали большинство ремесел. Расширяя свое влияние, цехи стремятся оттеснить скупщика и расширить свое монопольное положение на местном рынке. Для развертывания деятельности скупщика-посредника необходимо было дальнейшее развитие производительных сил, складывание внутреннего рынка. Этому в немалой степени препятствовало то обстоятельство, что в Белоруссии не получила в то время развития промышленная специализация районов. Во всех крупных городах наблюдаются примерно одни и те же ремесленные профессии. Обслуживая город, близлежащие села, поместья, местечки, ремесленное производство при таком равномерном распределении формировало более или менее обширные, но локальные рынки.

Узость, ограниченность местного рынка в свою очередь отрицательно сказывалась на ремесленном производстве. Это прежде всего проявлялось в строгой регламентации производства и сбыта изделий, о чем свидетельствует ряд статей цеховых уставов первой половины XVII в. Цехи стремились ограничить число ремесленников в городе. В первой половине XVII в. по сравнению с XVI в. усложняется прием учеников и их переход в подмастерья. Превращая ремесленную деятельность в привилегию ограниченного числа ремесленников, цехи упорно отстаивали свою монополию на рынке. Внецеховым ремесленникам под угрозой конфискации их товаров запрещалось продавать в городе свои изделия ⁴⁶.

Цехи поддерживала королевская власть, неоднократно подтверждая запреты, направленные против внецеховых ремесленников, а также против продажи приезжими купцами изготовляемых цехами города изделий. Но несмотря на такую поддержку, цехи не смогли оттеснить с местного рынка внецехового ремесленника. Главной причиной явился непрекращавшийся рост в городе феодальных «юридик» — владений, не подлежащих контролю, налоговому и повинностному обложению магистрата. При неуклонно возраставшем налоговом и повинностном гнете многие ремесленники, жившие в городе, искали спасения от него в переходе из-под юрисдикции магистрата под юрисдикцию феодалов, что одновре-

⁴⁵ Беларускі архіў, т. III, док. 60, 65, 94, 96, 97, 153, 156; ГАМО, ф. 10, д. 1 — «Книга записей приема новых членов и уплаты членских взносов в цех металлических профессий», лл. 1—13; ФЦГИА БССР, ф. 1342, оп. 1, д. 2, стр. 145—146, 210—213, 225—227; д. 10, стр. 113—114; ЦГАДА, ф. 389. Книга записей: 88, лл. 235—236; 121, лл. 202—204; ИЮМ, вып. 8, стр. 286—294, 319—320, 330—334, 351—358, 370—373, 396—397, 427—413, 426—431, 437—441, 445—447, 449—455 и др.; вып. 9, стр. 195—208, 235—253 и др.; вып. 10, стр. 237—241, 275—281 и др.; АВАК, т. V, док. 4; т. VI, док. 80; Археологический сборник, т. I, док. 127.

⁴⁶ ФЦГИА БССР, ф. 875, оп. 2, д. 5, лл. 23, 38—39, 41; Беларускі архіў, т. III, док. 60, 65, 94.

менно освобождало их и от регламентации повинностей, связанных с пребыванием в цехе. На этой почве в первой половине XVII в. весьма заметным стало явление «выламывания», т. е. ухода из цехов. Следовательно, живучесть внецехового ремесла и даже его определенное развитие необходимо рассматривать в связи с расширением феодальных привилегий вообще и с ростом феодальных владений в городе (юримик), в частности. Вместе с тем факт живучести внецехового ремесла заставляет пересмотреть утвердившуюся в литературе оценку состояния внутреннего рынка и роли в его изменении фольварочной системы. Вопрос этот требует специального исследования, в рамках же настоящей статьи мы вынуждены ограничиться только его постановкой.

При общей оценке состояния ремесла в городах Белоруссии следует учитывать, что к середине XVII в. проявились две противоположные тенденции: в одних отраслях явно выступает ослабление, свертывание производства, в других, наоборот,— известное оживление, рост. Причины этого необходимо, конечно, искать в состоянии внутреннего рынка и далее во всем социально-экономическом положении страны.

